

ТОМАШ ШПИДЛИК

Русская идея: иное видение человека

<Фрагменты>

Глава 3. Социальное бытие человека

II. Права человека и общество

2. Долг любви

Сострадание — милосердие

Очевидно, что приложения закона любви многочисленны, поскольку зависят от обстоятельств, в которых они себя проявляют. Однако следует выделить определенные аспекты, часто повторяющиеся у русских авторов: сострадание к другим, милосердие и в то же время — чувство ответственности за весь мир¹. «Сострадание, милосердие к ближнему, рожденные Евангелием, посеяли многочисленные семена в народной душе, в ней они нашли много родственного, очень часто они оказывали на нее самое глубочайшее воздействие»². Смертная казнь была неприемлема для Толстого, Достоевского, Вл. Соловьева и для лучших русских людей. Они даже высказывали сомнения, может ли вообще являться добром то, что основано на наказании. Достоевский признавал его не по причинам общественной пользы, а только потому, что в самом преступнике он выявлял желание понести наказание для ослабления мук совести. Л. Толстой, основываясь на Евангелии, и вовсе отрицал суд и наказание³. В таком же порыве сострадания Вл. Соловьев в 1881 году просил помилования для убийц царя Александра II, без колебаний рискуя своей карьерой профессора университета.

Для Бердяева сострадание поднимается до уровня морали, лежащей в основе «этики искупления», превосходящей «этику за-

кона». «Она требует милосердия к грешникам... она не допускает деления людей на два лагеря: „добрых“ и „злых“, „праведников“ и „грешников“»⁴. Эта этика ставит человека выше закона и выше идеи добра и этим совершает «величайшую революцию в истории человечества»⁵.

«Всякий пред всеми во всем виноват»

Это высказывание Достоевского отражает мысли многих русских авторов⁶, выражаемых, правда, самым различным образом. У Льва Толстого, богатого аристократа, это выражалось в страдании, вызываемом его привилегированным положением; он чувствовал себя виноватым, хотел отказаться от всего, стать простым мужиком⁷. Достоевский был «помешан» на проблеме страдания невинных и чувстве вины, т. е. на сострадании ко всем⁸. Н. Федоров, «искатель всеобщего спасения», считал, что «каждый ответствен за весь мир и за всех людей и каждый должен стремиться к спасению всех и всего»⁹. О. Сергей Булгаков приводит богословские аргументы в подтверждение этого тезиса: «Христос искупает мир от греха как Универсальный Человек, взявший на Себя грехи всего мира — прошлые, настоящие и будущие. Это возможно благодаря „метафизической реальности цельного человечества, которая связывает человечество взаимной ответственностью за добро и зло — каждый отвечает не только за себя, но и за всех и во всем“»¹⁰.

Для аскетов эта мысль является основой их постоянного покаяния и молитвы. Старец Силуан молился таким образом: «О Господи, мир погибает в оковах отчаяния, а мне, последнему и худшему из всех, Ты открываешь вечную жизнь. Господа, не могу я один, дай всему миру познать Тебя»¹¹.

Сострадание к «человеку» или к «человечеству»

Этика сострадания ближнему лучше всего выражена в знаменитом высказывании о том, что весь рай «не стоит слезинки хотя бы только одного замученного ребенка»¹². Но тут возникает сомнение: благо всего человечества не превосходит ли блага отдельного человека?

Следует подчеркнуть, что русские интеллигенты, читавшие Достоевского, читали и Нищие, и его критику морали слабых, читали произведения этого пророка «морали широких горизонтов», который без колебаний жертвовал индивидуумом в интересах великих идей и человеческого величия.

С. Франк в одной из своих ранних работ признавался, что и он замечал это противоречие, возникавшее в русском сознании при столкновении с двумя этими противоположными подходами, противоречие, которое он должен был прояснить для себя¹³. Он объясняет, что если сострадание называть «любовью к ближнему», то «любовь к дальнему» будет иметь в качестве цели благо человечества как такового, т. е. общее благо, которое гораздо выше, чем благо одного страдающего индивида. Первый вид любви — эмоциональный, пассивный, тогда как второй — героический, творческий. Но таково ли на самом деле это противопоставление? Франк полагает, что любовь к человечеству — это формальный принцип, а любовь к ближнему — это его конкретное приложение. Но отдавать предпочтение формальному принципу, а не его конкретному приложению означает предпочитать фантом реальности или же безличностную «вещь» — личности, что, в конце концов, становится «аморальным».

Социальная благотворительность

В наше время «социальная справедливость» рассматривается как основное приложение христианского милосердия. Многие русские писатели упрекали слишком созерцательную Православную Церковь в отсутствии интереса к социальным проблемам. Вл. Соловьев видит в этом наследие византизма¹⁴. Н. Арсеньев пытается доказать обратное. Он считает неверным утверждение, что в русской религиозности отсутствовал благотворительный и социальный аспект¹⁵.

Даже в русском монашестве, если отвлечься от созерцательной стороны его жизни, в значительной степени присутствует социальный аспект: сильная направленность любви на служение ближнему. С. И. Смирнов, историк русского христианства, в своей небольшой книжке «*Как служили миру подвижники Древней Руси*»¹⁶ повествует о многих фактах, иллюстрирующих эту тенденцию. Автор цитирует завещание св. Пафнутия Боровского († в 1477 году), который говорит: «Не покупайте мне гроба дубового, но вместо него на эти деньги купите калачей и раздайте их бедным. А меня заверните в кору дерева, выкопайте яму и в ней заройте»¹⁷. Великий святой деятельной любви, преп. Иосиф Волоколамский, во время большого голода помог множеству людей, пришедших из разных мест (7000 человек, не считая детей), собравшихся однажды перед воротами монастыря. Он велел накормить эту толпу, а самых маленьких голодных детей приютил

на длительное время в особом доме при монастыре. Когда же святой настоятель через некоторое время позвал родителей, чтобы они забрали своих детей, никто не пришел. Тогда он построил для них особый дом и кормил их, как если бы это были его родные дети¹⁸. А преп. Даниил Переяславский († в 1548 году) превратил свой монастырь в приют для инвалидов. Он с радостью принимал их в монастыре, кормил и лечил¹⁹.

Обычай подавать милостыню

Вслед за Отцами моралисты продолжают вразумлять, что каждый христианин должен подавать милостыню нуждающимся. Вера в то, что каждый нищий являет собой Христа, была очень живой в России. Отказ подать милостыню бедному рассматривался как тяжкий грех. «Тот, кто прогонит бедняка от своего дома, должен в течение тридцати дней сидеть на хлебе и воде»²⁰.

В наставлениях Е. Попова указывается, что истинно православный, подавая милостыню нищему, осеняет себя крестным знаменем и произносит: «Прими ради любви Христовой». В этой же книге приводятся многочисленные описания различных способов упражнения в этой добродетели²¹. В «Православном Исповедании» Петра Могилы²² мы читаем, что «богатые наследуют жизнь вечную» при условии, если они творят дела милосердия и оказывают помощь «бедным, странникам, больным и другим» нуждающимся. Они должны относиться к своему богатству не «как истинные его владельцы», но лишь как «его распорядители». Совершенный христианин хочет, чтобы «все блага были общими»²³.

Социальная тема

Если монастыри сами практиковали и всегда призывали других осуществлять социальную благотворительность в форме милостыни, то теоретический подход к этому вопросу активизировался лишь в XIX веке. «В русском сознании XIX века социальная тема занимала преобладающее место. Можно даже сказать, что русская мысль XIX века в значительной своей части была окрашена социалистически»²⁴. Почти все думали, что русский народ призван осуществить социальную правду и братство людей. Для романтических славянофилов, которые недооценивали необходимость новой организации общества, важнее были не внешние изменения, а выработка «внутреннего средоточия справедливости», как это формулировал И. Киреевский²⁵.

Но большая часть мыслителей XIX века настаивала на конкретных реформах по преобразованию социального порядка.

Уже в XVIII веке А. Н. Радищев писал в своем «Путешествии из Петербурга в Москву». «“Я взглянул окрест меня — душа моя страданиями человечества уязвлена стала”... Главное у него не благо государства, а благо народа. Судьба его предваряет судьбу революционной интеллигенции: он был приговорен к смертной казни с заменой ссылкой на 10 лет в Сибирь»²⁶.

Во время пребывания в Риме на Н. В. Гоголя большое впечатление произвела католическая среда, чтение Сильвио Пеллико (*Dei doveri degli uomini — Об обязанностях людей*) и современных ему французских авторов Лакордера и Ламенне. Гоголь перенес их идеи на все христианство, как нравственные, так и социальные²⁷.

Для Вл. Соловьева вся христианская нравственность неизбежно связана с преобразованием общества. Для того чтобы превратить землю в рай, недостаточно достичь совершенства единичным индивидам. «Также бесспорно и то, что если бы все единичные люди были добры, то таким же было бы и общество. Но думать, что одной наличной добродетели нескольких лучших людей достаточно, чтобы переродить нравственно всех остальных, значит переходить в ту область, где младенцы рождаются из розовых кустов и где нищие за неимением хлеба едят сладкие пирожки». Несколько далее он утверждает: «Естественная организация человечества имеет тот смысл, что различные человеческие единицы и группы поставлены по природе в необходимость такого взаимодействия, при котором их частные потребности и деятельности уравниваются в результатах общего значения, ведущих к относительному совершенствованию целого»²⁸.

Марксизм

«Если не брать социализм в доктринальном смысле, то можно сказать, что социализм глубоко вкоренен в русской природе. Это выражалось уже в том, что русский народ не знал римских понятий о собственности», — полагал Н. Бердяев. Первыми марксистами были русские. «Чуть ли не самым первым последователем Маркса был русский степной помещик Сазонов, живший в Париже. Маркс не очень любил русских и был удивлен, что у него среди русских находят последователи раньше, чем среди западных людей. Он не предвидел роли, которую он будет играть в России»²⁹. «Достоевский, вероятно, принял бы своеобразный христианский коммунизм и, наверное, предпочел бы его буржу-

азному капиталистическому строю. Но коммунизм, отрицающий свободу, достоинство человека как бессмертного существа, он признавал порождением антихристового духа»³⁰.

Необходимость христианской социологии

Бердяев подводит итог своим размышлениям о русской социальной мысли XIX века следующими словами: «Можно сказать, что в России вынашивалась идея братства людей и народов. Это русская идея. Но поскольку эта идея утверждалась в отрыве от христианства, которое было ее истоком, в нее входил ад, и это сказалось на двойственности коммунизма, на переплетении в нем правды и лжи... Духовные же течения делались более равнодушными к социальной теме. Так, раздвоение, раскол все усиливались в России»³¹. А идеалисты, отвернувшись от марксизма, пытались возобновить утраченные связи между духовным и социальным. В своих статьях, написанных перед Первой мировой войной, С. Н. Булгаков много говорит о связи между христианской верой и социальными проблемами, о роли христианства в развитии мировой культуры и экономики³². Он подчеркивает, что наступила эпоха, когда Церковь должна активным и творческим образом участвовать во всех областях культурной жизни. Необходимо создать «подлинно христианскую церковную культуру, — пишет Булгаков, — охватывающую все аспекты жизни — науку, философию, искусство, социальную организацию»³³. Но такая христианская культура может быть только «церковной». И потому именно Церковь реализует это «обновленное сообщество», которым она и является, сообщество, в котором осуществляются все чаяния и представлены все социально-моральные ценности.

<...>

Глава шестая. От рабства к свободе

I. Христос и Антихрист

<...>

Два противоположных пути: власти и смирения
(Достоевский, Мережковский)

Встречу Христа с Великим Инквизитом можно сравнить с размышлением о двух стягах Игнатия Лойолы³⁴. Два совершенно противоположных пути к установлению Царства рас-

смаstrиваются как противопоставление кенотического пути Христа желанию управлять и владеть миром с помощью силы, свойственным Врагу. Великий Инквизитор поддается сатанинскому искушению, отвергнутому Христом, доказывая тем самым, что он есть Антихрист. Коротко говоря, Христос являет свободу в страдании, а Антихрист — счастье в принуждении³⁵.

Дмитрий Мережковский пытается выявить эту борьбу в различных европейских культурных движениях. В нашу эпоху, пишет он, борьба человекобога, объявляющего себя божественным, против Богочеловека, тайны благодати, нисходящей в смирение, возросла до невиданных ранее размеров, это борьба между духом Востока и духом Запада, между духом войны и духом благодати³⁶.

Н. Бердяев так объясняет эту мысль: «Русским людям, несмотря на все соблазны, которым они подвержены, очень свойственно отрицание величия и славы этого мира. Таковы, по крайней мере, они в высших своих состояниях. Величие и слава мира остаются соблазном и грехом, а не высшей ценностью, как у западных людей». Интересно отметить, продолжает автор, что «относительно Петра Великого и Наполеона, образов величия и славы, русский народ создал легенду, что они — антихристы»³⁷.

Царство истины, царство иллюзий: *Ревизор* Гоголя

В «Ревизоре» Гоголя Антихрист является в облике ревизора. По недоразумению за него принимают молодого путешественника Хлестакова, незаметного чиновника, который не отказывается от этой роли и вносит невиданную суматоху в дом городничего, водворившись там. Затем, воспользовавшись тройкой почтмейстера, он исчезает так же быстро, как и появляется, подобно рассеянному фантому, ослепившему себя самого иллюзией собственной лжи. Когда в конце истина выходит наружу, все застывают при известии о приезде настоящего ревизора. Во время этой, ставшей знаменитой, немой сцены занавес падает³⁸. Пьеса могла произвести впечатление комедии; но ее автор в написанной в 1846 году «Развязке *Ревизора*», возражая против подобного истолкования, уточняет: «Всмотритесь—ка пристально в этот город, который выведен в пьесе: все до единого согласны, что такого города нет во всей России... Но страшен тот Ревизор, который ждет нас у дверей гроба [...]. Лучше ж сделать ревизовку всему,

что ни есть в нас... в безобразном душевном нашем городе... в котором бесчинствуют наши страсти, как безобразные чиновники, воруя казну собственной души нашей!» И автор даже изменяет свою задачу: «Что ж в самом деле, как будто я живу только для скоморошничества?... Нет, с ветреной светской совестью ничего не разглядишь в себе... Комический актер, я прежде смешил вас, теперь я плачу... не пустой я какой-нибудь скоморох, созданный для потехи пустых людей, но честный чиновник великого Божьего государства»³⁹.

Воплощение зла и добра в людях: *Портрет* Гоголя

В «*Портрете*» диавол выступает в облике ростовщика, который, заказывая свой портрет художнику, так объясняет причину своего желания: «Я, может быть, скоро умру, детей у меня нет; но я не хочу умереть совершенно, я хочу жить. Можешь ли ты нарисовать такой портрет, чтобы был совершенно как живой?» Художник соглашается. И ему удается передать столько жизненной силы в глазах, что портрет вызывает страх; он становится «иконой диавола», своеобразным «Рождеством». Художник был использован как средство для материализации зла. Вот почему он постригся в монахи и много лет посвятил глубокому аскетическому очищению. И тогда небесные силы помогают художнику изобразить и тем самым подтвердить истинное спасительное Рождество Христово. Таким образом, материализовавшийся Антихрист и Воплощенное Слово сталкиваются в жизни конкретного человека⁴⁰.

Соловьев: «объективация» срединных ценностей; встреча с личностью Христа

«*Краткая повесть об Антихристе*»⁴¹ была написана Владимиром Соловьевым уже в конце его жизни. Какова же основная идея этой повести? Противник Христа появляется здесь, можно сказать, в идеальном облике: интеллектуал, способный реализовать все мечты человечества: мир, благосостояние, развитие наук, и более того, желающий сохранить все то, что христианская религия внесла во всеобщую мировую культуру. И, следовательно, большинство верующих должно принять его. Но почему же проекты его отвергаются небольшой группой верующих, собравшихся вокруг старца Иоанна, папы Петра II и протестантского богослова, профессора Эрнста Паули? Всех их объединя-

ет исповедание основной истины веры: «Всего дороже для нас в христианстве сам Христос».

«Краткая повесть» помещена в конце «Трех разговоров», которые содержат скрытую полемику со Львом Толстым. Толстой отдает предпочтение евангельской морали, а не личности Спасителя как таковой. Кроме того, согласно трактовке Бердяева⁴², Вл. Соловьев в «Трех разговорах» сводит счеты прежде всего со своим собственным прошлым, временем своих теократических и гуманистических иллюзий. Ибо жизнь заставила его понять, что невозможно возвращать добро или искоренять зло посредством воспитания, обучения или создания идеально управляемого общества. Если личность в сущности своей есть прежде всего взаимосвязь, то наиболее важным моментом ее жизни должна быть встреча со Христом и окончательный выбор личности Христа. Все прочие ценности, материальное благосостояние, отсутствие войн, культура и даже конкретные Церкви, — все это важно лишь как средство, ведущее к этой окончательной встрече. Но когда эти ценности абсолютизируются, становятся «объективными», что уводит нас от личности Христа, то эта «объективация» ценностей парадоксальным образом превращается во встречу с дьяволом, который, как может показаться, способен осуществить все эти мечты, но в самый неожиданный момент он являет нам свой ужасный лик убийцы. И тогда не остается ничего другого, как или склониться на его сторону, или бесповоротно выбрать путь Христа, на котором нас ожидает смерть и воскресение.

